

седа стала замирать, он не выдержал и задал вопрос, давно вертевшийся на языке.

— Жаннетта, детка, скажи мне по совести, неужели же ты ничего не боишься?

Жанна долго молчала.

Потом ответила тихо, но внятно:

— Я не боюсь ничего, кроме предательства.

В предрассветной мгле девушка еще раз отчетливо увидела глаза монсеньера архиепископа Реймского.

